

О, боже мой!

Она что, ослепла? Или всё ещё спит и никак не может проснуться? Иначе как объяснить, что этот нелающий бешеный пёс стал её соседом по парте?

Это... это невозможно! Раньше, в мире литературных классиков, маленький бешеный пёс готов был убить её одним лишь яростным взглядом, стоило ей оказаться в десяти метрах от него. А уж когда рядом появлялся этот любитель чёрной жижи, Акутагава смотрел на неё так, словно сама её близость была для него невыносима. Казалось, ему проще умереть, чем позволить ей подойти ближе чем на пять шагов.

А сейчас... он преодолел барьер жизни и смерти и сел менее чем в пятидесяти сантиметрах от неё. Она... она была так тронута, что едва не расплакалась.

Сюэ Синь не удержалась и ткнула его в плечо, желая проверить, настоящий ли он. В конце концов, нелающий бешеный пёс никогда бы не позволил ей так бесцеремонно к себе прикоснуться.

Но тот даже не шелохнулся. Он лишь повернул голову и уставился на неё, не выражая никаких эмоций:

— Ты чего?

— Ик!

Сюэ Синь, застигнутая врасплох, испуганно икнула. И это было не от сытости — от голода.

— Я... я ничего, ик...

Акутагава Рюноскэ нахмурился, некоторое время внимательно разглядывая её:

— Ты больная?

— Сам ты больной! Ик!

А-а-а, какой позор! Ну почему она никак не может перестать икать! Сюэ Синь прикрыла рот ладонью, заливаясь краской.

Акутагава слегка приподнял бровь, словно всё понял:

— Опять утром отобрала завтраки у одноклассников? Хватит столько жрать, у тебя уже на

животе жира столько, что можно в футбол играть.

— ... — Спокойно. Глубокий вдох! Выдержка! Она — цивилизованный человек, она не будет опускаться до уровня этого бешеного щенка.

Сюэ Синь решила игнорировать его, но спустя мгновение её желудок предательски издал громкое урчание. Звук получился таким ритмичным, что не заметить его было просто невозможно.

— Пф. Позорище, — снова подал голос бешеный пёс. Сюэ Синь подумала, что ему пора сменить прозвище.

— Эй, ответь на вопрос, — Сюэ Синь решила прощупать почву. Воспоминания о том, как ею манипулировал любитель чёрной жижи в том мире, до сих пор вызывали у неё дрожь.

Акутагава был его главным фанатом, фанатом среди фанатов. Если тот был рядом, Акутагава почти всегда оказывался поблизости. Раз уж он вдруг стал её соседом, то... не означает ли это, что и Дадзай Осаму где-то поблизости?

Если это так, ей нужно заранее разработать план действий.

Нельзя больше оставаться в пассивной позиции.

Акутагава скосил глаза на её тонкие пальцы с видом, говорящим не трогай меня, но всё же снизошёл до ответа:

— Спрашивай.

— Ты знаком с Дадзаем Осаму? — Сюэ Синь решила действовать прямо.

— Это тот старик, который написал Исповедь неполноценного человека?

— ... — Я запрещаю тебе так говорить о своём кумире!

— А с Накахарой Чуей знаком? — не унималась Сюэ Синь.

— Тот рано умерший поэт, написавший Осквернённую печаль?

— Ха-ха, маленький сосед, а у тебя отличные познания в литературе! — Он даже умудрился точно назвать способности этих великих людей.

Акутагава смотрел на неё странным взглядом, словно что-то взвешивал или пытался осмыслить. Поняв, что ничего путного от него не добиться, Сюэ Синь задала последний вопрос:

— Кстати, ты знаешь, кто такой Акутагава Рюноскэ?

Акутагава посмотрел на неё как на идиотку:

— Сюэ Синь, ладно ты глупая, но неужели даже моё имя забыла?

— ...А кто автор Расёмона?

— Акутагава Рюноскэ, конечно.

— Это ты? — в её голосе промелькнула надежда.

— Он родился на век раньше меня. По-твоему, я могу быть им? — Он посмотрел на неё с таким выражением, будто она была настолько безнадёжной, что не знала, сколько будет один плюс один.

— ... — Ясно. Сюэ Синь поняла, что от этого бешеного щенка ничего не добиться. Нельзя разбудить того, кто притворяется спящим.

Она тяжело вздохнула, прижала руку к ноющему животу и, уткнувшись лицом в парту, начала размышлять, где бы раздобыть завтрак. Вчера вечером она отдала последние деньги Годзё Сатору на ингибитор, и теперь у неё не было ни гроша!

Какая же она несчастная! И как же она жалела о содеянном.

Сюэ Синь пребывала в унынии, бездумно глядя в окно, когда вдруг увидела, как мимо проходят Цугикуни Ёриити и его брат Цугикуни Митикацу. Ёриити остановился у двери их класса, попрощался с братом и вошёл через заднюю дверь.

Э? Оказывается, оригинал учился в одном классе с Ёриити? Хорошо, что Митикацу в другом, иначе у неё бы каждый миг зубы сводило от зависти.

Она наблюдала, как Ёриити с рюкзаком за спиной направляется к её месту. Он выглядел немного задумчивым, а высокий хвост из чёрных волос делал его особенно красивым и заметным — настоящая звезда среди толпы.

Ёриити заметил её, слегка кивнул, прошёл к парте позади неё, сел и тоже достал свой обед.

Сюз Синь сглотнула слюну, не в силах оторвать взгляд от его рисового шарика. Она была чертовски голодна — с самого вчерашнего вечера ничего не ела, а дома у оригинала тоже шаром покати. Какая же она бедняжка!

— Ты... хочешь? — Ёриити, смутившись от её пристального взгляда, неуверенно спросил.

— М-можно? — Сюз Синь снова сглотнула.

— Конечно.

Ёриити был очень одиноким человеком и всегда хотел с кем-то поделиться, но его соседка по парте обычно была холодна и даже груба, так что они почти не общались. А сегодня она вдруг спасла его, а теперь просит рисовый шарик — ну как тут не умилиться?

— Тогда... спасибо! В следующий раз я тоже принесу тебе рисовый шарик! — Сюз Синь была готова расплакаться от счастья. Ёриити — настоящий ангел!

— Не... ну, хорошо. Буду ждать, Сюз Синь.

Ёриити хотел было отказаться, но вспомнил слова матери: чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Если он хочет завести хороших друзей, нужно обмениваться вещами.

Ёриити протянул ей два шарика. Сюз Синь приняла их с таким трепетом, словно это был дар богов. Акутагава, наблюдая за этим, усмехнулся:

— Не слишком ли много чести?

— Ты не поймёшь страданий бедняка, — отрезала Сюз Синь и собралась было откусить кусок.

Однако, прежде чем она успела это сделать, прозвенел звонок. В дверях появился человек в начищенных до блеска туфлях. У него были длинные ноги, широкие плечи, узкая талия и атлетическое телосложение. Костюм сидел на нём идеально, придавая ему не строгости, а скорее небрежной свободы.

Но стоило Сюз Синь взглянуть на его лицо, как она подавилась:

— Кхе-кхе-кхе! Кхе-кхе-кхе!

Почему это ты?!